

П. Д. Ленков

К феноменологии Нирваны

Мое сообщение посвящено анализу применимости термина «нуминозное» относительно буддийского учения о Нирване.

Рудольф Отто был одним из первых, кто поставил вопрос о соотношении рационального и иррационального в божественном и попытался дать на него ответ¹. Для более отчетливого выделения специфического аспекта «священного» он ввел термин «нуминозное» (от лат. *numen* — «божество»), которое он в самом начале своего исследования характеризует как «священное *минус* его нравственный момент и ...минус его рациональный момент вообще»². Хотя Отто фактически берет за основу в своем анализе переживания священного библейскую традицию, в особенности христианство, он утверждает: «То, о чем у нас идет речь и что мы попытаемся в какой-то степени передать, то есть дать почувствовать, *живет во всех религиях как подлинное их внутреннее ядро, без которого они вообще не были бы религиями* (курсив наш — П. Л.)»³. Он также отмечает: «Поскольку эта категория целиком относится к *sui generis*, то она, как все изначальное и основополагающее, не является строго определенной, но лишь возможной для обсуждения. Пониманию нуминозного можно помочь, указав на тот пункт, куда следует направить свой дух слышащему это слово, дабы он сам мог осознать, откуда оно проистекает. Такой способ можно подкрепить, указав на сходное с ним или характерное для него противоположное, что имеет место в других, уже известных и заслуживающих доверия сферах духа, а затем прибавить: “Наше X не является этим, но сходно с ним, а тому оно — противоположно. Не придет ли оно теперь само тебе на ум?” Иными словами, нашему X нельзя в строгом смысле научить, его можно только вызвать, пробудить — как и все, что приходит “от духа”»⁴.

Таким образом, по мысли Отто, категория нуминозного применима ко всякой религии, а не только к «религии библейской». И хотя, разбирая так называемые «моменты» нуминозного, Отто фактически дает феноменологический анализ библейской религиозности, он неоднократно на страницах своей работы приводит параллели из религиозного опыта гетерогенных традиций, прежде всего, индуизма и буддизма.

---

¹ См.: Otto R. *Das Heilige. Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen*. Breslau, 1917. Русск. перевод: Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Пер. с нем. яз. А.М. Руткевич. СПб., 2008.

² Отто Р. Священное. С. 12.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 13–14.

Отто выделяет и анализирует шесть «моментов» нуминозного. Попробуем кратко рассмотреть релевантность этих понятий применительно к буддийскому религиозному опыту, а именно к представлениям о Нирване — высшей цели буддийских религиозных практик — и тем чувствам, которые связаны у буддистов с этим понятием.

1. Первый момент нуминозного Отто называет «чувством тварности»⁵. Он отмечает, что подобного рода религиозное переживание было отмечено Шлейермахером и названо им «чувством зависимости». Однако Отто вносит «поправки» к этому наблюдению Шлейермахера, и предлагает именовать это чувство «*чувством тварности* — чувством твари, которая тонет в собственном ничто и склоняется перед тем, что выше всякого творения»⁶. Вполне очевидно, что ни о каком подобном чувстве в случае буддийского религиозного опыта говорить не приходится. Известно, что буддизм отрицает существование Бога-творца и саму идею творения как на доктринальном, так и на логико-дискурсивном уровне. Мир, согласно буддийским представлениям, создает «совокупная карма живых существ»⁷.

2.1. Второй момент нуминозного Отто именуется *mysterium tremendum* (что можно приблизительно перевести как «тайна, внушающая трепет»)⁸. В *mysterium tremendum* выделяются четыре аспекта. Во-первых, момент «*tremendum*» («ужасающее»). Речь идет о священном трепете, религиозном ужасе. Слово страх (*tremor*), как поясняет Отто, «служит нам здесь ближайшим, но лишь аналогичным обозначением совершенно своеобразной чувственной реакции, которая... похожа на страх, и потому по аналогии с ним может быть обрисована, но представляет собой все же нечто совсем иное»⁹. Этот нуминозный страх вызывает то божественное «свойство», «которое играет важную роль в ... Священном Писании и которое своей загадочностью и непостижимостью доставило много трудностей как интерпретаторам, так и вероучителям»¹⁰. Здесь имеется в виду *orge*, гнев Яхве, который встречается и в Новом Завете как *orge theoy*. Отто указывает, что этому божественному гневу «легко найти соответствия во встречающемся во многих религиях представлении о таинственном “*ira deorum*”»¹¹. Отто отмечает, что в индийском пантеоне можно найти богов, которые, как кажется, вообще сводятся к такому *ira*, а также, что «даже высшие милостивые

⁵ См.: Там же, с. 15–20.

⁶ Там же, с. 18.

⁷ См., например: Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы или Абхидхармакоша. Т. II. Раздел III: Локанирдеша, или Учение о мире; Раздел IV: Карманирдеша, или Учение о карме / Пер. с санскр., введ., коммент. и реконстр. системы Е. П. Островской и В. И. Рудого. М., 2002.

⁸ См.: Там же, с. 21–52.

⁹ Там же, с. 23.

¹⁰ Там же, с. 30.

¹¹ Там же, с. 31.

боги Индии наряду со своей доброй формой (*śiva-murti*) очень часто имеют свою гневную форму (*krodha-murti*), как и, наоборот, гневные боги имеют также добрую форму»¹².

Едва ли возможно обнаружить такой момент в буддийском представлении о Нирване, поскольку она не является личностью, и, соответственно, не может быть описана посредством человеческих характеристик, в отличие от Бога авраамических религий или богов индуизма. Однако мы сможем обнаружить некое подобное чувство в связи с определенными «божествами» пантеона тантрического буддизма, который включает немало персонажей, наделенных гневными ипостасями.

2.2. Второй аспект *mysterium tremendum — majestas*, или «сила», «всемогущество», «власть»¹³. Этот момент, по мнению Отто, связан с «чувством тварности»¹⁴. Отто говорит о «мистике *majestas*», которая «по своему источнику явно отлична от мистики “созерцания единого”, как бы ни была она с нею внутренне связана»¹⁵. Иными словами, эта мистика произрастает не из плотинизма и пантеизма, но из «переживания Авраамова». Понимаемое таким образом, это «чувство силы» едва ли обнаруживаемо у буддийских йогов, если речь идет о Нирване. Однако если мы возьмем этот аспект в его, пользуясь выражением Отто, «пантеистическом смысле», то, возможно, мы обнаружим *подобное* переживание в буддизме, особенно в Махаяне.

2.3. Третий момент Отто называет *энергией* нуминозного. Согласно Отто, «он особенно живо ощущим в “огне” и выражается в идеограммах жизненности, страсти, преисполненной аффектов сущности, воли, силы, движения, возбуждения, деятельности, стремления. Эти его черты ... простираются от ступени демонического вплоть до представления о “живом” Боге. Опыт этого момента пугает активизирует человеческую душу, вызывает “рвение”, наполняет ее необычайным напряжением и динамикой, идет ли речь об аскезе, о “ревности” против мира и плоти, либо о героических деяниях, в которых возбуждение прорывается вовне»¹⁶. Отто также отмечает: «В этом иррациональном моменте божественной идеи всегда в наибольшей степени и сильнее всего прочего заявляет о себе противостояние “философскому” Богу чисто рациональных спекуляций и дефиниций»¹⁷.

В данном случае можно, прежде всего, напомнить то, о чем уже говорилось в пункте 2.1, а именно, что Нирвана понимается в буддизме не как Бог, тем более Бог-личность. Поэтому о Нирване нельзя говорить антропоморфизирующим языком, использующим такие выражения как «гнев», «страсть», «воля», «деятельность», «стремление» и т. п. Более того, в буддийских текстах то

¹² Там же.

¹³ См.: там же, с. 33–39.

¹⁴ Там же, с. 33.

¹⁵ Там же, с. 36.

¹⁶ Там же, с. 39–40.

¹⁷ Там же, с. 40.

состояние, которого достиг Сиддхартха Гаутама, ставший Буддой, и те его последователи, которые обрели плод «архатства», характеризуется как раз полным и окончательным устранением гнева, страсти и всех прочих аффектов¹⁸. И кроме того, выход из сансары (это выражение синонимично «достижению Нирваны»), предполагает исчерпание накопленной кармы и прекращение всякой кармической деятельности.

Вместе с тем, о Нирване, в некотором смысле, по-видимому, возможно говорить как об источнике силы. Ведь тот, кто «пробуждается» и достигает прижизненной Нирваны — и архат, и бодхисатва, и Будда — обретает определенные сверхспособности, такие как «высшее знание» и пр. Соответственно, Сангха понимается как сокровищница святости и могущества, достигнутых буддийскими «благородными личностями»¹⁹.

2.4. Четвертый аспект *mysterium tremendum*, а именно момент *mysterium*, Отто характеризует как «совершенно иное» (*ganz andere*)²⁰. Здесь Отто, прежде всего, говорит о чуде (*mirum* или *mirabile*). Отто уточняет, что «...религиозно-таинственное, подлинное *mirum*, есть... “совершенно иное”, *thateron, anyad, alienum, aliud valde* — чужое и чуждое, выпадающее из сферы привычного, понятного, знакомого, противостоящее этой сфере как “сокрытое” вообще и поэтому наполняющее душу остолбенелым изумлением»²¹.

Это рассуждение вполне может быть отнесено и к Нирване, ведь она понимается, прежде всего, как полная противоположность сансары, которая и есть все «привычное, понятное, знакомое»²². Именно так истолковывается в абхидхармической традиции третья Благородная Истина, «истина прекращения (или уничтожения) страдания», ведь уничтожение (ниродха) страдания и есть достижение Нирваны.

3. Третий момент нуминозного Отто рассматривает в главе «Нуминозные гимны». Речь здесь идет о гимнах, обращенных к Богу, либо воспевающих Бога²³.

¹⁸ Архатом («достойным почитания») считался лишь тот из монахов, кто «победил врагов», т. е. полностью уничтожил благодаря практике буддийской йоги свое влечение к мирской жизни, искоренив «три корня неблагих деяний» — алчность, враждебность, невежество.

¹⁹ См., например: Лестер Р. Ч. Буддизм. Путь к нирване // Религиозные традиции мира. В 2 томах. Пер. с англ. М., 1996, т. 2, с. 263–394.

²⁰ Там же, с. 41–52.

²¹ Там же, с. 44.

²² Здесь следует только уточнить, что буддийское понятие «сансара» понимается не физико-натуралистически, как «мир-сам-по-себе», а психически, или, точнее, психофизически, т. е. это опыт жизни, опыт пребывания в «круговороте» рождений; соответственно мир в буддизме рассматривается как психокосм. Подробнее см.: Введение в буддизм / Под ред. В. И. Рудого. СПб., 1999; Рудой В. И., Островская Е. П., Ермакова Т. В. Классическая буддийская философия. СПб., 1999.

²³ Отто Р. Священное. С. 53–57. Эта глава, фактически, не содержит каких-либо теоретических рассуждений, Отто лишь приводит ряд текстов, снабдив их своими пояснениями.

Этот момент в полной мере едва ли может быть обнаружен в буддийском отношении к Нирване, поскольку, как уже неоднократно говорилось выше, она не является Богом. Однако буддийские восхваления и славословия возможны, коль скоро речь идет о «благородных личностях», достигших состояния Нирваны, и прежде всего о самом Будде Шакьямуни.

4. Четвертый момент нуминозного Отто именуется *fascinans* («восхищающее»). Согласно Отто, в нуминозном «присутствует... нечто притягательное, обольстительное, очаровывающее, составляющее странную контраст-гармонию с отталкивающим моментом *tremendum*»²⁴.

Сам Отто отмечает, что момент *fascinans* мы обнаруживаем и в опыте верующих иных религий, не относящихся к библейской традиции. «У опыта, который в христианстве мы знаем как переживание милости или новое рождение, имеются соответствия в других развитых духовных религиях за пределами христианства. Такими соответствиями являются приносящий избавление бодхи, раскрытие «небесного глаза», побеждающего тьму неведения, несравненное переживание просветляющих джняна или ишвара прасада. И всегда здесь сразу бросается в глаза совершенно иррациональный и неповторимый характер блаженства. При всем многообразии этих переживаний и их отличии от переживаемого в христианстве, интенсивность повсюду оказывается примерно равной, всюду это *fascinans*, всюду — “святое”, то, что противостоит «естественно» выразимому и сравнимому, некое “безмерное” или содержащее в себе явные его следы. Это относится и к нирване буддизма, лишь по видимости холодному или негативному наслаждению. Только по своему *понятию* нирвана есть нечто отрицательное, тогда как по чувству она является сильнейшей формой позитивного и *fascinans*, а потому приводит своих почитателей в состояние энтузиазма. Я хорошо помню свой разговор с одним буддийским монахом, который с упорной последовательностью расточал на меня свою *theologia negativa*, доказательства анатмака²⁵ и учения о всеобщей пустоте. Но когда речь зашла о последнем, вопросе о том, что же такое сама нирвана, то после долгого колебания он, наконец, тихо и сдержанно ответил: «Bliss — unspeakable». И в этом тихом и сдержанном ответе, в праздничности голоса, выражения лица и жесте, содержалось куда больше, нежели в том, что подразумевалось словами. Это было признанием *mysterium fascinans*...»²⁶.

К этому наблюдению Отто можно добавить, что в буддийских текстах нередко говорится о состояниях блаженства и радости, которые возникают у буддийских подвижников, достигших прижизненной Нирваны, когда в этом рождении они становятся архатами²⁷.

²⁴ Там же, с. 58.

²⁵ Имеется в виду анатмавада — учение о несуществовании атмана.

²⁶ Там же, с. 71–72.

²⁷ См.: Островская Е. П., Рудой В. И. Классические буддийские практики: вступление в Нирвану. СПб., 2006, с. 34.

5. Следующий, пятый момент нуминозного точнее всего, по Отто, передает слово *das Ungeheure* («неслыханное», «чудовищное»). «Точнее смысл будет передан, если обратить внимание на первое значение слова *Ungeheure* — “чудовищный”, который преимущественно приходит к нам из чувства. “Чудовищным”, “неслыханным” мы сегодня обычно называем просто что-то необычайно огромное по размерам или свойствам. Но это, так сказать, рационалистическое, во всяком случае рационализированное толкование, причем проведенное задним числом. Ибо “чудовищное” есть собственно и прежде всего то, отчего нам “не по себе”, *жуткое*, то есть нечто нуминозное»²⁸.

Этот момент, очевидно, связан с первым («чувство тварности») и с первым аспектом второго («священный трепет», «религиозный ужас»). В данном случае, по указанным выше причинам, также едва ли возможно говорить об аналогичном чувстве в отношении к буддийской Нирване.

6. Шестой момент нуминозного Отто называет *augustum*. Он поясняет: «чтобы подчеркнуть... абсолютный *ценностный* характер [нуминозного], а также для того, чтобы обозначить иррациональность абсолютной ценности *sanctum*, мы позволим себе ввести еще один особенный термин — *augustum*, или *semnyn*»²⁹. Отто уточняет, что «*fascinans* относится к *субъективному* в *pumen*, а именно к тому блаженству, которое вызывает у меня ценность. Напротив, *augustum* есть объективная ценность *в-себе*»³⁰.

Нирвана, вне всякого сомнения, суть высшая ценность для буддиста. Соответственно момент *augustum* в полной мере обнаруживаем в феноменологии Нирваны, хотя можно напомнить, что он связан не с Богом-личностью, но с «высшим» состоянием. Однако, поскольку Будда, как и всякая буддийская «благородная личность», — индивидуум, который достиг этого состояния, следовательно, *ценностный* аспект Нирваны «переходит» и на него. В подтверждение этих слов можно напомнить о важнейшем буддийском доктринальном понятии «Трех Драгоценностей». «Три Драгоценности» (или «Три Сокровища») — Будда, Дхарма и Сангха. Здесь Будда — это и реальное историческое лицо по имени Сиддхартха Гаутама, и (в традиции Махаяны) земное воплощение абсолютного духовного начала — «Тела Учения» (*Дхармакая*). Будда выступает символом постижения истины и преодоления страдания, а кроме того — неисчерпаемым источником могущества для всех страдающих существ.

Итак, мы кратко рассмотрели шесть «моментов нуминозного» (а точнее, девять, поскольку второй Отто подразделяет на четыре «момента») и увидели, так сказать, «в первом приближении», что, по крайней мере, три из них в полной мере могут быть отнесены к буддийским представлениям о Нирване, и как

---

²⁸ Там же, с. 75.

²⁹ Там же, с. 94.

³⁰ Там же, с. 94–95.

минимум еще три — с оговорками. Таким образом, феноменологический анализ категории «священное» («нуминозное»), предпринятый Отто, оказывается до некоторой степени применимым и к «буддийскому священному», а именно, к Нирване и достигшим (а значит, в каком-то смысле «воплощающим») ее личностям, прежде всего к Будде. Однако этот анализ применим не в полной мере, поскольку религиозный опыт в авраамических традициях весьма отличен от опыта буддийского. Здесь мы затрагиваем главный и, следует отметить, до сих пор неразрешенный вопрос феноменологии религии, да и всего религиозоведения вообще — можем ли мы говорить о том, что в основе всякой религии лежит некий универсальный опыт, как считали некоторые восточные мистики, такие как Свами Вивеканада или Шри Ауробиндо, и отдельные западные исследователи, например, Станислав Гроф, или нет. В данной статье мы не ставили задачу дать ответ на этот вопрос. Однако отметим, что центральная проблема, с которой мы здесь сталкиваемся, — это проблема языка описания религиозного опыта. Отто был одним из первых, кто попытался создать такой язык и хотя он, как и большинство ученых и философов своего времени, опирался преимущественно на язык библейской традиции, он попытался на его основе создать некий язык описания, применимый к феноменологическому анализу всякой религиозности вообще, и в самом этом усилии — его бесспорная заслуга.